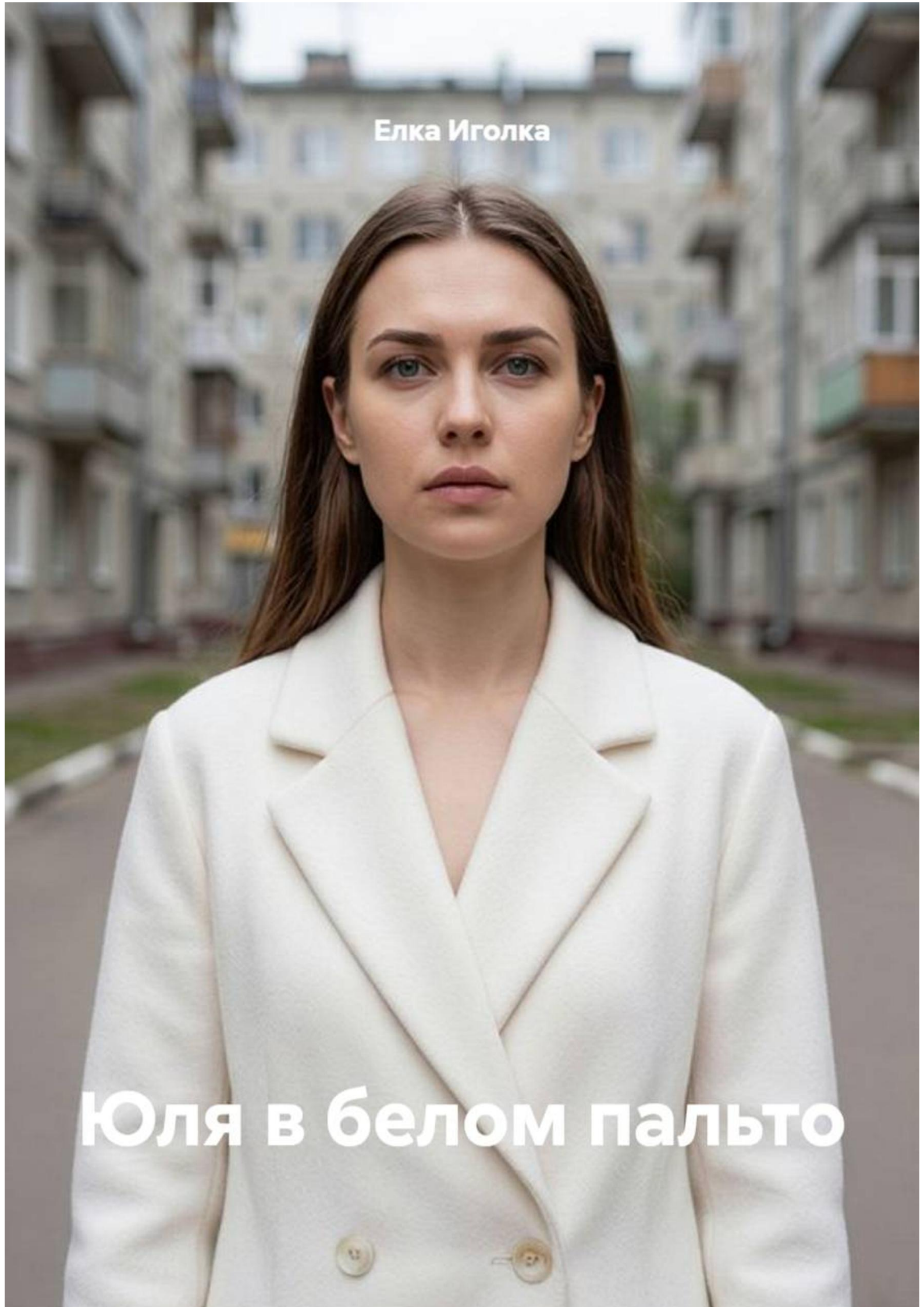

A portrait of a young woman with long brown hair and blue eyes, wearing a white double-breasted coat. She is standing on a city street with multi-story buildings in the background. The image has a soft, slightly blurred background.

Елка Иголка

Юля в белом пальто

Елка Иголка

Юля в белом пальто

«Автор»

2026

Иголка Е.

Юля в белом пальто / Е. Иголка — «Автор», 2026

Юле — тридцать девять, она филолог с «чувством слова» и копирайтер в провинциальном застройщике. Ей кажется, что она фатально выросла из своей предсказуемой жизни, надежного мужа Димы и маленького города. Купив в рассрочку статусное белое пальто, Юля решает штурмовать московские корпорации. Но блестящий сороковой этаж в Сити и харизматичный начальник Глеб, называющий ее своей «волшебницей», оказываются лишь началом сложной психологической игры. Это тонкая, едкая и безжалостная история о поиске себя, выгорании, цене чужого одобрения и о том, как легко перепутать иллюзию полета с падением. И главное: станет ли пальто чище, если просто выключить в комнате свет?

© Иголка Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запрос	5
Из рабочих заметок О. Н. Логиновой	8
Глава 2. Оффер	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елка Иголка

Юля в белом пальто

Глава 1. Запрос

Психологи обожают слово «запрос». Как будто ты пришла не к человеку, а в МФЦ, и сейчас тебе выдадут талончик и велят ждать, пока на табло загорится твой номер. Мой номер, судя по всему, не загорается лет двадцать.

— С каким запросом вы пришли? — спрашивает Ольга Николаевна и поправляет плед на коленях.

Плед бежевый, крупной вязки, специально для камеры. У всех московских психологов такой плед, его, наверное, выдают вместе с дипломом. Мол, у нас тут безопасное пространство, можно разуться. Я и так сижу в носках, один из них с дыркой на большом пальце. Безопасней некуда.

Опоздала я на одиннадцать минут. Ссылка трижды выдала «неверный идентификатор конференции». Я переписывала ее с телефона на ноутбук, а в телефоне цифры мелкие, и одна девятка там была подозрительно похожа на шестерку. Видимо, у Ольги Николаевны в ссылке ошибка. Говорить я ей ничего не стала. Пять тысяч за сессию, пусть сама разбирается со своим софтом.

Над запросом я думала три дня. Записала в заметках четыре варианта, три вычеркнула за пафос. Оставшийся произношу так, будто он только что пришел мне в голову:

— Я, кажется, выросла из своей жизни. Как из платья. Только платье было с рынка, а выросла я в основном в ширину.

Она улыбается вежливо, процента на два. Я знаю этот процент: так улыбаются шуткам, за которые им платят. Метафоры у меня всегда заходили лучше, чем я сама.

Мне тридцать девять. Я живу в городе, где самое высокое здание — торговый центр, а самое культурное событие года — его открытие. У нас есть драмтеатр, два кинотеатра, памятник Ленину и памятник шахтерам. Шахту закрыли раньше, чем поставили памятник, так что он, по сути, поминальный. Есть вокзал, с которого все уезжают, и площадь, на которой все остаются.

Я осталась. Временно. Двадцать лет как временно.

У меня есть муж Дима. Дима хороший, это первое, что про него говорят все, включая меня. Сисадмин в областной больнице. Не пьет, не бьет, не играет в танки, сам меняет смеситель и сам потом вытирает лужу. Дима как батарея: теплый, стоит в углу, вспоминаешь о нем, только когда отключают отопление. Пятнадцать лет брака, и отопление ни разу не отключали. Я до сих пор не уверена, что это комплимент.

— Вы любите мужа? — спрашивает Ольга Николаевна.

— Я его ценю, — говорю я. Формулировка взрослая, зрелая и непрошибаемая, как бетонный забор.

Квартира у нас двухкомнатная, в ипотеку. «У нас» в том смысле, что платил Дима, а я в эти годы искала себя. Поиск себя, если кто не знает, — это работа без выходных, больничных и зарплаты. Я вкладывала в семью то, что не купишь: атмосферу, разговоры, книги на полках. Ни у кого в нашем подъезде нет на полке Набокова. А у нас есть. «Аду» я, правда, так и не дочитала, но корешок красивый.

По диплому я филолог. Красный диплом, курсовая по Цветаевой, научный руководитель говорил, что у меня «чувство слова». Чувство слова у меня правда есть. С детства я умею складывать слова так, чтобы людям становилось смешно или грустно, а мне — хорошо. Мама

ставила меня на табуретку читать стихи гостям. Я читала Есенина так, что тетя Валя плакала в оливье. Посуду мыть меня не просили. А если я начинала и бросала на середине, все говорили: «Ну зато как говорит!» Юлечка у нас не руками, Юлечка у нас головой.

Я рассказываю это Ольге Николаевне как стендап. Тайминг, пауза, панчлайн про оливье. Она смеется. Глаза при этом не смеются, но, может, это камера.

После университета я пять лет была «на подхвате», как это называла мама. Потом десять лет фрилансила копирайтером. Тексты для сайтов натяжных потолков, посты для стоматологий, «Десять причин выбрать наш шиномонтаж». Про шиномонтаж я писала так, что хотелось плакать, и не от красоты. Платили мало и поздно, правили много и тупо. Один заказчик однажды вычеркнул из текста слово «экзистенциальный», и я поняла, что рынок не готов.

Тогда я решила пойти во внутренние коммуникации. Логика была железная: это ведь тоже тексты, только для своих. Пишешь рассылки, сочиняешь новости, придумываешь праздники. Разница, как мне казалось, только в том, что зарплата приходит по графику.

Три года назад меня взяли в «СтройГарант». Это наш региональный застройщик: полгорода стоит на его фундаментах, вторая половина — на его обещаниях. Хозяин, Павел Игоревич, как папа римский: что сказал, то и будет. Его жена сидит в бухгалтерии, сын в отделе продаж, племянник водителем. Семейный бизнес, сто с чем-то человек. И я — внутренние коммуникации. Корпоративная газета «Наш фундамент», праздник на День строителя, поздравления с днем рождения в общем чате. Газету читают все. Ну, берут. Прорабы ставят на нее кружки, и это, если подумать, тоже вовлеченность.

Однажды Павел Игоревич сказал на планерке: «Юля у нас креативная». При всех. Я до сих пор не решила, комплимент это был или диагноз.

— И в чем сейчас сложность? — спрашивает Ольга Николаевна.

Сложность в том, что мне тесно. Я выучила эту компанию, как таблицу умножения. Знаю, кто с кем пьет, у кого когда день рождения и у какого прораба язва. Мне нужен масштаб. Федеральная корпорация, сто тысяч человек, которым никто никогда не объяснял, зачем они ходят на работу. А я объясню.

— В корпорации меня пока никто не знает, — говорю я. — Пока.

Дальше я на автомате рассказываю про Стива Джобса без высшего образования, про то, что все великие начинали поздно, и про американское исследование: у женщин после сорока открывается второе дыхание. Исследование я, честно говоря, видела в чьем-то посте, но звучит убедительно. Я слышу себя со стороны и думаю: господи, какая пошлость. И продолжаю, потому что остановиться посреди фразы еще пошлее.

В торговом центре, на втором этаже, есть витрина. Там стоит манекен в белом пальто. Шерсть с кашемиром, тридцать четыре девятьсот девяносто. Я сфотографировала ценник и хожу мимо по субботам, как в церковь. Куплю, когда получу оффер. Не раньше. Дисциплины у меня хоть отбавляй. По крайней мере, в отношении пальто.

— Чего вы хотите от нашей работы? — спрашивает Ольга Николаевна, когда до конца остается минут семь.

Хочется сказать что-то глубокое. Глубокое у меня обычно заготовлено.

— Хочу перестать себя обесценивать.

Она смотрит на меня через экран секунды три. Я успеваю пожалеть, что не накрутилась. Потом она говорит:

— Мне кажется, вы очень себя недооцениваете.

Вот за это я и плачу пять тысяч.

Нет, правда. Подругам я бы не поверила, подруги поддакивают бесплатно. А тут профессионал, московский, с пледом. И если даже профессионал видит, что я себя недооцениваю, значит, дело не во мне. Значит, во всем остальном.

Мы договариваемся на четверг. Деньги я перевожу с Диминой карты. Он сам дал мне ее «на хозяйство», а психолог — это гигиена, то есть тоже хозяйство.

Я закрываю ноутбук, выхожу на балкон и закуриваю. Внизу кто-то орет на собаку, собака орет в ответ. За стенкой Дима смотрит ролик про ремонт ванных. Он даже не спросил, как прошло.

Впрочем, я ему и не говорила, что сегодня сессия.

Из рабочих заметок О. Н. Логиновой

Сессия 1. Ю., 39 лет. Онлайн.

Опоздание 11 минут. Со слов клиентки, ошибка в ссылке. Ссылка рабочая, сегодня по ней прошли еще двое.

Запрос сформулирован как «выросла из своей жизни». Готовая формулировка, вероятно, заготовлена заранее. Реальный запрос: подтверждение.

За 50 минут Стив Джобс упомянут четыре раза. Конкретный рабочий результат упомянут один раз: корпоративную газету «берут».

Самоирония плотная, без зазоров. Смеется над собой первой, чтобы никто не успел. За каждой шуткой ни одного вывода.

Муж: «хороший», «надежный», «я его ценю». Слово «скучный» не прозвучало. Еще прозвучит.

Квартира: «у нас». Ипотеку платил муж. Сессии оплачивает тоже муж, с карты «на хозяйство».

Детство: хвалили за речь, ничего не требовали доводить до конца. Рассказывает как стендап, с таймингом. Гипотеза: слово с детства заменяет действие, и это работало, пока вокруг были зрители, которые аплодируют. Копирайтинг и внутренние коммуникации считает одной профессией. Это не так.

Собирается в корпорацию. В корпорации зрителей нет.

Вслух сказала ей: «Вы себя недооцениваете». Это правда наполовину. За вторую половину она не придет на вторую сессию.

Четверг, 19:00. Оплата прошла.

Глава 2. Оффер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.